

Будаев Э. В., Чудинов А. П.
Нижний Тагил, Екатеринбург, Россия
**КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ
АНАЛИЗ МЕТАФОРЫ
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ**

УДК 321.0

Код ВАК 10.02.05; 10.02.19

Аннотация. При когнитивно-дискурсивном подходе исследователь стремится выявить взаимосвязи между метафорами и факторами, которые обусловили их востребованность. В этом случае метафора воспринимается не как автономный феномен, а как естественная часть нарратива, который понимается как некоторое множество текстов, связанных с определенной политической ситуацией или с определенными политическими представлениями, с определенной политической позицией.

Ключевые слова: политическая метафорология; метафора; политическая коммуникация; когнитивный; дискурс; политический лидер.

Сведения об авторе: Будаев, Эдуард Владимирович

Ученая степень, звание: кандидат филологических наук, доцент

Место работы: Нижнетагильская государственная педагогическая академия, кафедра иностранных языков

Должность: доцент

Контактная информация: 622031, Свердловская обл., г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, д. 57

E-mail: aedw@rambler.ru

Сведения об авторе: Чудинов, Анатолий Прокопьевич

Ученая степень, звание: доктор филологических наук, профессор

Место работы: Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации

Должность: проректор по научной и инновационной деятельности, заведующий кафедрой

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26, оф. 219

E-mail: ap_chudinov@mail.ru

Budaev E. V., Chudinov A. P.
Nizhny Tagil, Ekaterinburg, Russia
**COGNITIVE-DISCURSIVE
ANALYSIS OF METAPHOR
IN POLITICAL COMMUNICATION**

Abstract. Cognitive-discursive approach invites the researcher to reveal the interconnections between metaphors and the factors that condition the demand for these metaphors to appear. In this case metaphor is not considered as an autonomous phenomenon, but as an integral part of the narrative which is understood as a set of texts connected with a certain political situation or a certain political stance.

Key words: political metaphorology; metaphor; political communication; cognitive; discourse; political leader

About the author: Budaev, Eduard Vladimirovich
Academic degree, academic status: candidate of filological sciences, associate professor

Place of employment: Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Academy, chair of foreign languages

Position: associate professor

About the author: Chudinov, Anatoly Prokopievich
Academic degree, academic status: doctor of filological sciences, professor

Place of employment: Ural State Pedagogical University, Chair of Rhetoric and Intercultural Communication

Position: Vice-Rector for Academic and Innovative Activities

Современная теория и практика когнитивного исследования политической метафоры генетически восходит к классическому исследованию Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Metaphors We Live by» [Lakoff, Johnson 1980] (в русском переводе [2004]). Как справедливо отмечает А. Н. Баранов, названная книга очень быстро была признана специалистами «библией когнитивного подхода к метафоре – своеобразным аналогом сосюрковского «Курса общей лингвистики» в когнитивизме лингвистического извода» [Баранов 2004, с. 7]. Помимо общей характеристики теории концептуальной метафоры

(иллюстрированной преимущественно материалами бытового общения), авторы названного труда обратились к политическому дискурсу, детально рассмотрев, в частности, милитарную метафору Дж. Картера и ее следствия (entailments). Указанное исследование показало также, что, казалось бы, совершенно лишенная эмоциональной оценки метафора ТРУД – ЭТО РЕСУРС позволяет скрывать антигуманную сущность экономической политики государств как с рыночной, так и с тоталитарной экономикой.

Вполне закономерно, что отдельные положения названной теории со временем уточнялись и развивались (ср. теорию первичных и сложных метафор [Grady et al. 1996], когерентную модель метафоры [Spellman et al. 1993], модель концептуальной проекции [Ahrens 2002;

¹ Исследование подготовлено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант РГНФ № 07-04-02-002а – Метафорический образ России в отечественном и зарубежном политическом дискурсе).

Chung et al. 2003], теорию блендинга [Fauconnier Turner, 1994; 1998; Turner, Fauconnier 1995; 2000], коннективную теорию метафорической интерпретации [Ritchie 2003a, 2003b, 2004a, 2004b] и др.).

Значительная часть современных исследований концептуальной метафоры может быть отнесена к когнитивно-дискурсивной парадигме в том смысле, как ее понимает Е. С. Кубрякова. В названной парадигме «усилия исследователя направляются прежде всего на то, чтобы выяснить, как и каким образом может удовлетворять изучаемое языковое явление и когнитивным, и дискурсивным требованиям» (Кубрякова Е. С., 2004, с. 520). В первом случае имеются в виду связи «с внутренней, ментальной деятельностью человеческого сознания», а во втором – внимание сосредоточено на том, «как используется изучаемое явление в процессе общения людей» (там же, с. 519).

При когнитивном подходе к изучению концептуальной метафоры внимание исследователя сосредоточено на метафорической модели как ментальном феномене. В процессе такого исследования дается детальное описание сферы-источника и сферы-мишени, подробная характеристика фреймов и слотов каждой из названных сфер, а также других элементов модели.

При когнитивно-дискурсивном подходе исследователь стремится выявить взаимосвязи между метафорами и факторами, которые обусловили их востребованность. В этом случае метафора воспринимается не как автономный феномен, а как естественная часть нарратива, который понимается как некоторое множество текстов, связанных с определенной политической ситуацией или с определенными политическими представлениями, с определенной политической позицией (Чудинов 2003, с. 170-178). В современных публикациях можно выделить следующие направления изучения политических нарративов.

1. Исследование метафор, характерных для того или иного политического периода. Если в начальный период становления когнитивного подхода к анализу политической метафоры основное внимание было направлено на проверку теории концептуальной метафоры на примере анализа отдельных метафор и небольших временных периодов, то в 90-х гг., когда эта теория получает широкое признание и применение, в научных публикациях проявляется стремление исследователей к аккумуляции и обобщению все большего количества фактов. В рамках когнитивно-дискурсивного анализа примером такого подхода стали словари А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова [1991; 1994], в которых представлены политические метафоры эпохи перестройки и первых лет президентства Б. Н. Ельцина [Баранов, Караулов 1991, 1994]. В диссертации Ю. Б. Федене-

вой (1998) охарактеризованы политические метафоры первой половины прошлого десятилетия, а в монографии А. П. Чудинова [2001] детально рассмотрены ведущие политические метафоры периода президентства Б. Н. Ельцина.

Несомненного внимания заслуживают работы американского ученого Р. Д. Андерсона, который обращается к анализу советско-российских политических метафор [Anderson 2002a; 2002b]. Материалом для анализа послужили тексты политических выступлений членов Политбюро 1966-1985 гг. (авторитарный период), выступления членов Политбюро в год первых общенародных выборов (1989 г.) (переходный период) и тексты, принадлежащие известным политикам различной политической ориентации периода 1991-1993 гг. (демократический период). Исследовав частотность двух групп метафор (метафор размера и метафор личного превосходства и субординации), Р. Д. Андерсон приходит к выводу, что частотность этих метафор уменьшается по мере того, как население начинает самостоятельно выбирать представителей власти. Специальный анализ показал, что на смену «вертикальным» метафорам приходят метафоры «горизонтальные»: *диалог* (в авторитарный период метафора использовалась только по отношению к международной политике), *спектр*, цветовые метафоры (*коричневые, белые* и др.), метафоры сторон (*сторонники, противники, левые, правые*) и др. Гигантомания и патернализм метафор, характерные для дискурса авторитарного периода в СССР, присущи монархическому и диктаторскому дискурсу вообще, поэтому пространственные метафоры субординации представляют собой универсальный индикатор недемократичности общества.

2. Исследование метафор, связанных с той или иной военной кампанией. Целая серия публикаций посвящена метафорам, которые использовались в дискурсе войны, которую США и их союзники вели против Ирака. Метафоры, относящиеся к военным действиям 1991 года, рассмотрены в знаменитой публикации Дж. Лакоффа, в которой выделены ведущие метафорические модели оправдывающие и осуждающие действия американцев и их противников (Lakoff 1991). Повышенный интерес американских специалистов вызвал и политический нарратив «Вторая война в Персидском заливе». Так, Дж. Льюл [Lule 2004] на материале дискурса новостей NBC рассмотрел базовые метафоры, актуализированные для осмысления отношений Ирака и США в преддверии второй войны в Персидском заливе. Также еще до начала военных действий Дж. Лакофф [Lakoff 2003b] проанализировал метафоры, актуализированные администрацией и СМИ США для оправдания войны, и выделил базовые метафорические (метонимические) модели, кото-

рые, дополняя друг друга, занимают центральное место в осмыслении внешней политики в американском сознании:

1. *Государство – это индивид*. Развертывание метафоры «Ирак – это Саддам Хуссейн» в американских СМИ позволяет представлять войну в Ираке, как войну против одного человека, и оттеняет тот факт, что тысячи бомб, которые будут сброшены на Ирак (исследование опубликовано в преддверии войны), будут сброшены не на одного человека. Согласно американским СМИ государства-взрослые, т.е. экономически развитые государства, имеют полное право учить и дисциплинировать государства-детей, тем более, если ребенок становится *вооруженным подростком-хулиганом*.

2. *Модель Рациональной Личности*. Рациональная личность (государство) всегда стремится приумножить доходы и минимизировать расходы. В американской прессе война в Ираке представлялась, как торговая сделка, в которой доходы превышают расходы (чужие расходы, т.е. жизни иракцев, в расчет не принимаются).

3. *Сказка о справедливой войне*. По Дж. Лакоффу, метафорическая сказка о войне, в которой всегда есть Герой, Жертва, Злодей и Злодеяние, реализуется в двух вариантах. «История о спасении» была реализована при осмыслении первой войны в Персидском заливе (Ирак – Злодей, Кувейт – Жертва, Злодеяние – изнасилование, Спаситель – США). Для оправдания второй войны американская администрация и СМИ актуализировали «Историю о самозащите», в которой Жертва и Герой совпали (США).

Подобным образом Дж. Гуднайт [Goodnight 2004] анализирует метафоры «Ирак – это Вьетнам Буша» и «вьетнамское болото» в американских политических дебатах, связанных с новой войной в Персидском заливе. К. Халверсон [Halverson 2003] анализирует метафоры в политическом нарративе «Война с террором (11 сент. 2001 – янв. 2002)» и выделяет две основные метафоры, моделирующие осмысление терроризма в американском политическом дискурсе: *Антропоморфизм ценностей* и *Сказка о справедливой войне*.

Значительный интерес вызывают и исследования по проблемам метафорического представления событий на Балканах. Например, Дж. Лакофф [Lakoff 2001a] показал, что при осмыслении войны в Югославии американские СМИ (автор проводил исследование на примере газеты The New York Times) апеллировали все к той же *Сказке о справедливой войне* (Милошевич – Злодей, албанцы – Жертва, США – Герой) и модели *Государство – это индивид*. Соответственно в сознании сербского народа Косово – это исконно сербская, но завоеванная мусульманами территория, на которой к тому же расположены главные сербские святыни.

С. Милошевич представил вытеснение албанцев из Косово посредством метафоры *Христианского Рыцаря*, идущего в *крестовый поход* ради возвращения сербам святой земли. По существу это еще одна (сербская) разновидность сказки о справедливой войне [Lakoff 2001a: 32].

Сопоставление американских и сербских метафор в политическом нарративе «Война в Югославии» проведено словенским исследователем В. Кеннеди [Kennedy 2000]. Исследователь указывает на то, что американские метафоры мало изменились со времен первой войны в Персидском заливе. Новая война по-прежнему осмыслялась в понятиях игры и бизнеса, в сказке о справедливой войне С. Хусейна заменил «злодей» С. Милошевич, албанцы выступили в роли «невинной жертвы», а США в качестве «героя». Сербская интерпретация событий оказалась прямо противоположной и совпала с мнением итальянских и греческих СМИ. Примечательно, что сербы и американцы апеллировали к историческим событиям второй мировой войны. Американские СМИ называли С. Милошевича *Адольфом Гитлером*, которого необходимо вовремя остановить, в то время как сербы использовали метафору НАТО – это *нацисты* (соответственно сербы должны выступить в качестве югославских партизан). Вместе с тем, для каждого дискурса были характерны национально специфические метафоры. Как отмечает исследователь, понимание метафор во многом определяется фоновыми знаниями адресата. Например, апелляция сербских СМИ к *битве на Косовом поле* мало о чем говорила жителям США и Западной Европы, а связанное с историей США метафорическое выражение сенатора Б. Доула «Милошевич снова вышел на тропу войны» может по-разному восприниматься в американском обществе. Как отмечает В. Кеннеди, эта метафора содержит амбивалентные импликатуры (сильные и слабые импликатуры метафоры по К. Форсевиллю). Миф об американской кавалерии, укрощающей непослушных индейцев и привносящей порядок на дикий Запад, в 90-е гг. сильно пошатнулся в результате деятельности общественно-правовых организаций и деятелей искусства, поэтому по представлениям части американцев укрощать необходимо американскую кавалерию.

Детальный анализ «метафорической войны» по косовской проблеме в американском политическом дискурсе представлен в работе Р. Пэриса [Paris 2001]. Как показывает автор, в выступлениях администрации Б. Клинтона и дебатах членов Конгресса доминировали четыре группы исторических метафор: «Вьетнам», «Холокост», «Мюнхен» и «балканская пороховая бочка». Р. Пэрис выделяет два уровня метафорического противостояния политических мнений. Участники дебатов спорили

не только об уместности исторических метафор применительно к ситуации в Косово (первый уровень), но и об оценочных смыслах используемых метафор (второй уровень). Например, если мюнхенское соглашение в большинстве случаев рассматривалось, как пример нежелания остановить агрессора, то на уроки вьетнамских событий ссылались как противники, так и сторонники военного вмешательства. Противники говорили о невинных жертвах и других ужасах войны, а сторонники считали, что во Вьетнаме американская армия воевала «со связанной рукой за спиной», поэтому не следует повторять вьетнамских ошибок в Косово.

В исследовании А. П. Чудинова [2003] продемонстрировано, что при метафорическом представлении балканской войны в российском политическом дискурсе постоянно использовалась концептуальная метафора *русские и сербы – это братья*. В представлении россиян сербы – *Жертвы*, а *Злодеи* – албанцы, в то время как в США и в большинстве европейских стран осудили сербских *Злодеев* и согласились с необходимостью военного вмешательства для защиты *Жертвы* (косовских албанцев).

В статьях М. В. Черняковой охарактеризованы особенности представления войны в Персидском Заливе, характерные для российских и американских СМИ. Автор показывает, что значительную роль в метафорическом оправдании и осуждении этой войны играют спортивные и театральные метафоры [Чернякова 2004; Чернякова-Сорокина 2004].

3. Исследование метафор, связанных с тем или иным политическим событием (процессом). К числу подобных исследований относится диссертация Ю. Б. Феденевой, где рассмотрена специфика метафорического представления путча, который предприняли сторонники коммунистической идеологии, пытавшиеся в 1991 году отстранить от власти президента М.С.Горбачева. Целый ряд исследователей обращается к изучению специфики метафорического представления политического скандала. Так, В. Макарова, изучавшая литовские СМИ, показывает, что скандал часто метафорически представляется как экзамен или боевые действия [Макарова 2004]. Российские исследователи показывают, что скандал часто метафорически изображается как театральное представление или болезнь [Кочкин 2003, Шейгал 2000].

Анализ корреляции метафор в американском сознании и событий 11 сентября 2001 г. в сочетании с осмыслением социо-культурных причин терроризма представлен в публикации Дж. Лакоффа [Lakoff 2001b]. Р. Хюльссе, проанализировав метафоры ДВИЖЕНИЕ и КОНТЕЙНЕР в дебатах о возможном присоединении Турции к ЕС в немецкой прессе, пришел к выводу, что немцы «помещают» Турцию в «междупространство» (in-between-space), не считая ее

ни европейским, ни азиатским государством [Hülse 2000].

В монографии О. Санта Аны [Santa Ana 2002] рассматривается метафорическое представление иммиграции из Латинской Америки по материалам калифорнийской газеты The Los Angeles Times. Автор подразделяет выявленные метафорические модели (исследователь называет их метафорическими системами – metaphoric systems) на три группы: окказиональные (ИММИГРАЦИЯ – ЗАГРЯЗНЕНИЕ СРЕДЫ или ОГОНЬ), вторичные (ИММИГРАЦИЯ – ВТОРЖЕНИЕ, БОЛЕЗНЬ или БРЕМЯ) и доминантные (ИММИГРАЦИЯ – ОПАСНЫЕ ВОДНЫЕ ПОТОКИ, ИММИГРАНТЫ – ЖИВОТНЫЕ).

В публикации А. Н. Баранова политические метафоры периода августовского кризиса 1998 года рассмотрены на основе корпуса в 750000 словоупотреблений [2003], что позволило достаточно точно определить частотность тех или иных метафорических моделей. В статье Т. Г. Скребцовой [Скребцова 2003] рассмотрены наивные картины глобализации в современном политическом дискурсе. В другой публикации Т. Г. Скребцовой рассмотрены ключевые метафоры российского внешнеполитического дискурса.

В рассматриваемой группе публикаций, посвященных политическим событиям, значимое место занимают исследования метафор, связанных с той или иной избирательной кампанией. Так, К. де Ландтсхеер и Д. Вертессен [Vertessen, De Landsheer 2005], сопоставив метафорику бельгийского предвыборного дискурса с метафорикой дискурса в периоды между выборами, обнаружили, что показатель метафорического индекса (включающего такие критерии как частотность, прагматический потенциал сферы-источника и др.) увеличивается в предвыборный период. Подобные факты, по мысли авторов, еще раз подтверждают тезис о важной роли метафоры как средства воздействия на процесс принятия решений и инструмента преодоления проблемных ситуаций в политическом дискурсе. В этом же исследовании авторы задаются вопросом, отличается ли использование политического метафор на телевидении (коммерческом и общественном) и в прессе (бульварной (tabloid) и серьезной (quality)). Как показал анализ, метафорические индексы печатной прессы в несколько раз выше аналогичных показателей для телевидения, даже если сравнивать индексы газет в период между выборами с индексами телевидения в предвыборный период.

Подобные исследования широко представлены и в отечественной когнитивной лингвистике. А. М. Стрельников рассматривает метафоры периода избирательных кампаний по выборам президента в США и России 2003-2004 гг. [Стрельников 2005]. В диссертации А. А. Касло-

вой [Каслова 2003] представлено сопоставительное исследование метафорического моделирования в период избирательных кампаний по выборам президентов США и России (1999-2000 годы). Автор приходит к выводу о том, что столь типичное для России метафорическое представление президента и его приближенных как монарха (царя) и его двор совершенно нехарактерно для США, где президент представляется не монархом, а нанятым народом менеджером.

4. Исследование метафор, отражающих ту или иную политическую позицию. Как справедливо отмечал В. Бенуа, голосование – это акт сравнения, поэтому кандидатам необходимо сообщить избирателям, чем они отличаются от других [Бенуа 2008: 117]. Это обстоятельство наталкивает на мысль о наличии особого набора метафоры, различающей экологов, консерваторов, фашистов и т. д. Например, в диссертации Н. А. Красильниковой (2005) рассматривается метафорическая аргументация, которая используется сторонниками экологических партий США, России и Англии, а также их политическими противниками. Й. Цинкен [Zinken 2002; 2003] показал, противники вступления Польши в Евросоюз использовали для концептуализации будущего своей страны интертекстуальную метафору *Освенцим* [Zinken 2002: 143], соответственно сторонники Леха Валенсы в 1989 году часто метафорически представляли коммунистов как *завоевателей-крестоносцев* [Zinken 2002: 221-223].

Ирландские лингвисты Х. Келли-Холмс и В. О'Реган [Kelly-Holmes, O'Regan 2004] рассматривают концептуальные метафоры в немецкой прессе как способ делегитимизации ирландских референдумов 2000 и 2001 гг. Как известно, в 2000 году в Ницце было достигнуто соглашение об институциональных изменениях, необходимых для принятия новых стран в ЕС. Ирландия – единственная страна ЕС, в конституцию которой нужно было внести поправки, чтобы ратифицировать этот договор. Ирландское правительство считало вопрос решенным, однако ирландский народ проголосовал против изменения конституции на первом референдуме, что не замедлило отразиться в немецкой прессе. Недовольство тем фактом, что 3 миллиона ирландцев должны решать судьбу 75 млн. новых членов ЕС, отобразилось в немецкой прессе с помощью метафор дома и родства (*ирландцы хотят закрыть дверь перед двоюродными братьями и оставить их на пороге*), криминальных метафор (*ирландцы требуют выкуп за 12 стран*) и др. При рассмотрении подобных фактов следует учитывать, что до проведения референдума ирландско-немецкие отношения носили позитивный характер и даже метафорически представлялись как любовные отношения. Накануне второго референдума, который закончился положи-

тельным голосованием, в немецкой прессе активизировались негативные смыслы метафор из самых разнообразных сфер-источников: СЕМЬЯ (Германия / ЕС – *терпеливый родитель*, Ирландия – *непредсказуемый подросток, испорченный ребенок*); ШКОЛА (*ученика нужно наказывать*, Брюссель *ставит Ирландии плохие отметки*); ДОМ (*Ирландия хочет разрушить дом*); БОЛЕЗНЬ (*Ирландия больна датской болезнью и может заразить Австрию* (датчане проголосовали против Маастрихтского договора в 1992 г.), ВОЙНА (*война за положительное голосование*) и др. Как показали исследователи, метафорическая концептуализация событий накладывается на более общий уровень категоризации (опозиционирования): МЫ (немцы) – честные, щедрые, альтруистичные, высокоморальные, тогда как ОНИ (ирландцы) – жадные, заблуждающиеся, неблагодарные, аморальные. В этом контексте постоянно противопоставлялись «хорошая старая Ирландия» и «плохая новая Ирландия».

П. Друлак [Drulak 2004] проанализировал метафоры, которые использовали лидеры 28 европейских стран в дебатах о составе и структуре Европейского Союза (период 2000-2003 гг.). Выделив концептуальные метафоры «самого абстрактного уровня» (КОНТЕЙНЕР, РАВНОВЕСИЕ КОНТЕЙНЕРОВ и др.), П. Друлак выявил, что лидеры стран ЕС предпочитают метафору КОНТЕЙНЕРА, а лидеры стран-кандидатов на вступление в ЕС – метафору РАВНОВЕСИЯ КОНТЕЙНЕРОВ. Другими словами, лидеры стран ЕС предпочитают надгосударственное объединение чертами единого государства, а лидеры стран-кандидатов предпочитают видеть в ЕС сбалансированное объединение государств.

5. Исследования метафорических идиостилей, то есть специфики метафор, используемых отдельными политическими лидерами. Как заметила Ш. Линд, «сильные мира сего с равным успехом навязывают свои метафоры и в национальной политике, и в повседневном общении» [Лакофф, Джонсон 2004: 185]. Если учитывать, что метафоры несут в себе значительный прагматический потенциал, способны изменять понятийную систему человека и влиять на поведение, то вполне понятен интерес исследователей к концептуальным метафорам в речи политиков.

В этой группе исследований заслуживают внимания попытки найти практическое подтверждение того, как метафоры в речи политика воздействуют на массовое сознание и побуждают к принятию определенных политических решений. Так, Д. Берхо [Berho 2000] задается вопросом о причинах высокой популярности аргентинского президента Х. Д. Перона. Сопоставив метафорику аргентинской политической элиты, отражающую презрение высших слоев общества к основной массе населения, с мета-

форами идиолекта Х. Д. Перона, А. Берхо показывает, как регулярное развертывание метафоры *Politics Is Work* (Политика – это труд) в политическом дискурсе принесло ему огромную популярность среди миллионов лишенных избирательских прав и работающих в тяжелых условиях аргентинцев, которые и привели Х. Д. Перона к власти. Т. Оберлехнер и В. Майер-Шенберген [Oberlechner, Mayer-Schönberger 2002] исследуют метафоры в дискурсе лидерства и выявляют доминантные метафорические модели в идиолекте британского промышленного «гуру» Дж. Харви-Джонса.

В исследовании И. ван дер Валка, которое посвящено сопоставлению речевых стратегий в франко-голландском расистском дискурсе, выявлены ведущие метафоры в идиолекте А. Ле Пена. Для негативной репрезентации иммигрантов лидер Народного Фронта использует метафоры водного потока и войны. Соответственно Франция выступает в роли жертвы, которую освободитель А. Ле Пен (сравнивающий себя с Ж. Д'Арк и У. Черчиллем, а деятельность своей партии с анти-фашистской борьбой) должен спасти. Для положительной самопрезентации А. Ле Пен активно эксплуатирует мелиоративные смыслы метафоры родства [Valk 2001].

Самостоятельный интерес представляют корпусные исследования метафор в идиолектах известных политиков, что позволяет выявить общие закономерности метафорического моделирования действительности и стандартные сценарии, актуализируемые в речи политиков для манипуляции общественным сознанием. Так, Дж. Чартерис-Блэк [Charteris-Black 2004], проанализировав риторику британских и американских политиков (У. Черчилля, М. Л. Кинга, М. Тетчер, Б. Клинтона, Т. Блэра, Дж. Буша), показал, как метафоры регулярно используются в их выступлениях для актуализации нужных эмотивных ассоциаций и создания политических мифов о монстрах и мессиях, злодеях и героях. Особое место среди публикаций этого направления занимают экспериментальные исследования, направленные на выявление потенциала метафор к переинтерпретации политической картины мира в речи политиков. Так, скандинавские исследователи [Heradstveit, Bonham 2003], изучая влияние политической метафоры Дж. Буша «Ось зла» на иранское сознание, рассмотрел интервью с 32 представителями иранской политической элиты (в том числе оппозиционной) в 2000 и 2002 годах. В процессе исследования было обнаружено, что метафора вызвала недоумение большинства респондентов и была воспринята как «удар в спину» (Иран помогал США в войне в Афганистане), «убийство нарождающегося диалога между США и Ираном». Метафора Дж. Буша сплотила иранское общество и вместе с тем создала удобные условия для усиления ультра и консервативных сил. В исследо-

вании Е. Семино [Semino 1996] рассмотрены метафоры, характерные для идиостиля премьер-министра Италии Сильвио Берлускони.

Среди российских публикаций выделяется диссертация Т. С. Вершининой (2002), в которой рассмотрена метафорическая специфика идиостилей ведущих российских политиков (В. Жириновский, Ю. Лужков, Б. Немцов, И. Хакамада, В. Черномырдин, Г. Явлинский и др.). В исследованиях В. Н. Базылева зафиксированы любимые метафоры ряда российских и украинских политиков [Базылев 2004, 2005].

6. Сопоставительное исследование политических метафор. Сопоставительные исследования позволяют отчетливее дифференцировать «свое» и «чужое», случайное и закономерное, общечеловеческое и свойственное лишь отдельным национальным политическим дискурсам. Например, Е. Семино [Semino 2002] исследовала метафорическую репрезентацию евро в итальянской и британской прессе и показала, как метафоры в дискурсе этих двух стран отображают противоположные оценочные смыслы (евро – *здоровый ребенок* и евро – *поезд, сошедший с рельсов*). В работе финского исследователя М. Луома-ахо [Luoma-aho 2004] на основе анализа западноевропейского дискурса коллективной безопасности показано, что дебаты на Межправительственной конференции 1990-1991 гг. представляли собой конфликт метафор «атлантистов» (сторонников США и членов НАТО) и «европеистов» (сторонников европейской самодостаточности). Если США и страны-члены НАТО видели в Западно-европейском Союзе *опору* атлантического альянса, то «европеисты» – *защищающую руку*. Органистические метафоры сторонников самодостаточности вступали в противоречие с архитектурными метафорами «атлантистов» и представляли европейское сообщество как независимый от НАТО политический субъект.

А. Мусолфф [Musolff 2000] прослеживает «эволюцию» метафоры «ЕВРОПА – ЭТО ДОМ / СТРОЕНИЕ» за последнее десятилетие 20 века на материале английских и немецких газет. Вслед за рядом исследователей [Bachem, Battke 1991; Chilton, Ilyin 1993; Chilton, Lakoff 1995] автор моделирует два различных концепта: российский концепт «дом» (многоквартирный дом) и западноевропейский вариант (частный дом, обнесенный забором). При переводе метафоры Горбачева европейцы актуализировали другой прототип, что и объясняет, по мнению автора, популярность этой метафоры в европейском дискурсе. Автор выделяет два периода в развитии метафоры дома. 1989-1997 гг. – это оптимистический период, когда *разрабатывались смелые архитектурные проекты, укреплялся фундамент, возводились столбы* и др. По мере роста противоречий в 1997-2001 гг. начинают доминировать скептические (*реконструкция, хаос на строительной*

площадке) или пессимистические (*горящее здание без пожарного выхода*) метафоры. Оптимистический период характеризуется значительным сходством британских и немецких метафор. Сравнивая метафоры второго периода, автор отмечает, что немцы были менее склонны к актуализации негативных сценариев (*необходим более реалистичный взгляд на строительство*), в то время как англичане чаще отражали в метафоре дома пессимистические смыслы (немцы – *оккупанты евродома* или *рабочие*, считающие себя *архитекторами*).

В других публикациях А. Мусолфф [Musolff 2001a, 2001b] сопоставляет метафоры со сферой-источником ДОРОГА / ДВИЖЕНИЕ / СКОРОСТЬ в британской и немецкой прессе, освещающей политические процессы в Европейском Союзе. Анализ материала обнаружил различия в эксплуатации прагматических смыслов метафор немцами и британцами, которые используют потенциал сферы-источника для отображения различных взглядов на перспективы развития ЕС: британцы критикуют Германию за излишнюю поспешность, немцы метафорически порицают Великобританию за медлительность.

Исследованию концептуальной метафоры *политическое тело* (*body politic*) в статьях английской и немецкой прессы 1989-2001 гг. посвящена публикация А. Мусолффа [Musolff 2004a], в которой автор выявляет, что 45 % словоупотреблений концептуальной метафоры «ЕС – это (человеческое) тело» приходится на метафору *сердце Европы* (*heart of Europe / herz Europas*). Немцы предпочитают использовать метафору *сердце Европы* как ориентационную, что неудивительно, если учесть, что географически Германия находится в центре Европы. Британцы намного реже используют ориентационный потенциал политической метафоры *heart* и акцентируют внимание на функциональном значении сердца для человеческого организма (Евросоюза), поскольку по сравнению с Германией Великобритания относится к географической периферии Европы. А. Мусолфф, прослеживая хронологические изменения («эволюцию») в актуализации метафоры *heart of Europe* в английской прессе, показывает, что по мере усиления разногласий между Великобританией и ЕС в британской (но не в немецкой) прессе начинают доминировать метафоры болезни сердца. Подобные образы отражают скептическое отношение британцев к политике ЕС, сменившее оптимистические настроения начала 90-х годов, когда акцентировалась значимость Великобритании в европейской политике.

Детальный анализ метафор из сферы-источника «Дом/Строительство» как средства концептуализации Европы в российском и немецком газетном дискурсе 2000 г. проведен Й. Цинкен [Zinken 2002]. Прежде всего,

Й. Цинкен разделяет рассматриваемые метафоры по сферам-источникам на две группы: «Здание» и «Строительство». Проанализировав первую группу, автор показал, что в российском дискурсе очень продуктивен фрейм «Структура здания»: для россиян важно определить, стоит ли Россия на пороге европейского дома или ее впустили в прихожую, *отгородились* ли европейцы от России или позволяют ей *обжиться* в европейском доме и т. п. В немецком дискурсе метафоры этого фрейма почти не используются, однако здесь продуктивны образы *порядка в доме*, *договора о найме помещения*, которые отсутствуют в российском дискурсе. Этот факт Й. Цинкен объясняет, в частности, тем, что в повседневной жизни россиян договор о найме – реальность относительно редкая и малоактуальная. Продуктивность и частотность метафор второй группы (сфера-источник «Строительство») в российском дискурсе значительно уступает аналогичным показателям в немецком дискурсе. Анализ метафор позволил смоделировать дискурсивно-специфичные (*diskursspezifische*), но устойчивые и согласованные с определенной культурой стереотипы (*Abbildungstereotypen*). В концептуализации Европы выделяется три таких стереотипа – Европа институциональная, Европа культурная и Европа географическая. Если представление о Европе как о культурном феномене у россиян и немцев совпадает, то в отношении двух других стереотипов выявляются значительные расхождения. Для немецкого сознания «Европа – это Евросоюз и стройплощадка» (институциональный подход), а для российского сознания такое понимание феномена Европы представляется курьезной идеей. Российский стереотип «Европа – это дом, находящийся в чужой собственности» (географический подход); именно с этим стереотипом связаны попытки определить, относится ли Россия к Европе или нет, хотя географически Европа заканчивается на Урале [Zinken 2002: 179-192].

Несколько иной подход Й. Цинкен [Zinken 2002] использует для анализа метафорического представления европейской интеграции в немецком и польском газетном дискурсе 2000 г. Исследователь выделяет три общих схемы (близких образ-схемам М. Джонсона) для концептуализации интеграционного процесса. Схемы наполняются различными метафорами и в разной степени востребованы в немецком и польском дискурсах. Первая схема представляет Евросоюз как контейнер, для проникновения в который Польша должна приложить усилия. Схема наполняется метафорами пути и школы и востребована преимущественно в немецком газетном дискурсе. Вторая схема представляет Польшу как неподвижный объект, а ЕС как расширяющуюся субстанцию. Эта схема востребована противниками вступления Поль-

ши в ЕС (в немецком дискурсе открытых возражений против расширения ЕС автор не выявил). Польша метафорически представляется жертвой расширения, а будущее изображается посредством метафор рабства. Третья схема представляет Евросоюз и Польшу как два объекта, движущихся к контейнеру «Новая Европа». Эта схема реализуется в польском дискурсе, где доминируют позитивные метафоры совместного строительства евродома и создания семьи. Вместе с тем подобные образы нередко несут заметный заряд иронии. В одних случаях поляки представляются бедным родственниками, с которыми никакой добрый дядюшка не захочет делиться своими сбережениями, а в других создается образ молодого бедного кавалера (Польша), который неудачно сватается к далеко не юной, но богатой даме (Евросоюз), не желающей объединять имущество и предпочитающей свободные связи [Zinken 2002: 192-203].

Сопоставительные исследования метафорического мировидения политических феноменов в исторически гетерогенных культурах представляют большой интерес, но, к сожалению, подобные исследования единичны. Попытку сопоставить метафоры, легитимирующие социально-политическое единство в Европе, Китае и Японии, предпринял Э. Рингмар. Если в Европе в разные исторические периоды доминировали метафоры тела, механизма и семьи, то для восточной Азии, по мнению исследователя, характерны метафоры музыки и танца. Как указывает Э. Рингмар, базовые метафоры варьируются не только в географическом измерении, но и в хронологическом: так, до 90-х годов 19 века в Японии императора не называли отцом, но с усилением милитаристских настроений появляется необходимая для легитимации жертвенности японских солдат метафора семьи [Ringmar 2005].

Сопоставительные исследования широко представлены и в отечественной лингвистике [Бакумова 2002, Будаев 2004, Желтухина 2003, Каслова 2003, Красильникова 2005, Муране 2001, Перескокова 2004, Санцевич 2004, Скребцова 2003, Степаненко 2002, Стрельников 2005, Телешева 2004, Шаова 2005, Шехтман 2004, Шмелева 2001 и др.]. Материалы конкретных публикаций показывают, что в современных политических условиях действительно сложился своего рода интердискурс (термин Т. В. Шмелевой), поскольку современные политики и журналисты в различных странах Европы и Америки нередко используют очень похожие метафорические образы. Нетрудно заметить, что концептуальные метафоры с такими сферами-источниками, как «война», «театр», «спорт», «дорога», «мир животных», «мир растений», «погода», «болезнь», «механизм» и «дом», активно используются

едва ли не в каждом национальном политическом дискурсе.

Вместе с тем специалисты постоянно фиксируют и национальные особенности политической метафоры. Например, столь типичное для России метафорическое представление президента и его приближенных как монарха (царя) и его двор, совершенно нехарактерно для США. Это же можно сказать и о столь типичной для нашей страны криминальной метафоре, в соответствии с которой политическая элита образно представляется как своего рода преступное сообщество со своими «паханами» и «шестерками». С другой стороны, так характерная для США метафорическая модель со сферой-источником «бизнес» лишь в последние годы завоевывает определенное место в российском политическом дискурсе, а метафорический образ «справедливый полицейский» совершенно не воспринимается российским сознанием.

Важно подчеркнуть, что различия в использовании метафорических моделей чаще всего проявляются лишь на уровне отдельных слотов и концептов. Так, и в России и в Соединенных Штатах весьма распространены метафоры, образно представляющие политическую жизнь как футбольный матч, в котором каждая из команд стремится одержать победу. Однако в политическом дискурсе США источником метафор служит американский футбол, который лишь в некоторой степени напоминает игру, столь любимую в России, тогда как в нашей стране (а также в других европейских странах) сферой-источником служит совсем иная игра, следствием чего может оказаться взаимное непонимание. Показательно, что в современной российской политической коммуникации весьма продуктивны образы, восходящие к концепту «коммунальная квартира», но такие метафоры понятны лишь немногим американцам, немцам или французам.

При всем различии рассмотренных выше подходов к политической метафоре когнитивно-дискурсивная парадигма объединяет исследования, для которых характерно, с одной стороны, понимание метафоры как феномена мышления, играющего важную роль в осмыслении и преобразовании политической действительности, а с другой – стремление учесть специфику дискурсивных факторов, определяющих использование тех или иных метафорических моделей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Базылев В. Н. Лингвистическая персонология: Ирина Хакамада (к определению статуса дисциплины) // Известия Уральского государственного педагогического университета. Лингвистика. – Выпуск 15. – Екатеринбург, 2005.
2. Базылев В. Н. Нехаризматическая популярность: Леонид Кучма // Лингвистика. Бюллетень уральского лингвистического общества. – Том 13. – Екатеринбург, 2004.

3. Бакумова Е. В. Взаимопонимание в политическом дискурсе и метафора // Культура взаимопонимания и взаимопонимание культур. – Воронеж, 2004.
4. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. – М., 1991.
5. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. – М., 1994.
6. Баранов А. Н. Политическая метафорика публицистического текста: возможности лингвистического мониторинга // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования / Под ред. М. Н. Володиной. – М.: МГУ, 2003.
7. Баранов А. Н. Предисловие редактора. Когнитивная теория метафоры: почти двадцать пять лет спустя // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М., 2004.
8. Баранов А. Н. Очерк когнитивной теории метафоры // Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. – М., 1991.
9. Баранов А. Н. Метафорические модели как дискурсивные практики // Известия АН. Сер. Литературы и языка. – 2004а. – Т. 63. – № 1.
10. Баранов А. Н. О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания. – 2003а. – № 2.
11. Бенуа В. Функциональная теория дискурса политической кампании // Будаев Э. В., Чудинов А. П. Зарубежная политическая лингвистика. – М., 2008.
12. Будаев Э. В. О системности и среде в ракурсе теории когнитивной метафоры // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Вып. 14. – Екатеринбург, 2004.
13. Вершинина Т. С. Зооморфная, фитоморфная и антропоморфная в современном политическом дискурсе: Автореф. дис. канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2002.
14. Желтухина М. Р. Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса: О проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ. – М.-Волгоград, 2003.
15. Каслова А. А. Метафорическое моделирование в политическом нарративе «Федеральные выборы» в США и России (2000 г.): Автореф. дис. канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2003.
16. Кочкин М. Ю. Политический скандал как лингвокультурный феномен: Автореф. дис. канд. филол. наук. – Волгоград, 2003.
17. Красильникова Н. А. Метафорическая репрезентация лингвокультурологической категории СВОИ – ЧУЖИЕ в экологическом дискурсе США, России и Англии: Автореф. дис. канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2005.
18. Кубрякова Е. С. Язык и знание. – М.: Языки славянской культуры, 2004.
19. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под. ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004.
20. Макарова В. О метафороизации политического скандала в литовских масс-медиа // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2004. – Т. 14.
21. Муране С. Н. Лексика военной сферы в постсоветском политическом дискурсе // Говорящий и слушающий: языковая личность, текст, проблемы обучения. – СПб., 2001.
22. Орлова О. Г. Актуализация концепта «RUSSIA» («РОССИЯ») в американской публицистике (на примере дискурса еженедельника «NEWSWEEK»): Автореф. дис. канд. филол. наук. – Кемерово, 2005.
23. Перескокова А. Ю. Манифестация власти в метафорическом контексте СМИ // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2004. – Т. 14.
24. Ряпосова А. Б. Милитарная метафора в современном агитационно-политическом дискурсе // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2001. – Т. 6.
25. Санцевич Н. А. Моделирование вариативности языковой картины мира на основе двуязычного корпуса публицистических текстов (метафоры и семантические оппозиции): Автореф. дис. канд. филол. наук. – Москва, 2004.
26. Скребцова Т. Г. Наивные картины глобализации: взгляд лингвиста // Respectus philologicus. Vilniaus universiteto. – 2003. – № 4(9).
27. Скребцова Т. Г. Метафоры современного российского внешнеполитического дискурса // Respectus philologicus. Vilniaus universiteto. – 2002. – № 1.
28. Сорокина М. В. Манипулятивный потенциал метафорической модели ВОЙНА В ИРАКЕ – это АМЕРИКАНСКИЙ футбол // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2004. – Т. 12.
29. Степаненко А. В. Лингвокогнитивные особенности функционирования метафоры в политическом дискурсе (на материале русского и немецкого языков): Автореф. дис. канд. филол. наук. – М., 2002.
30. Стрельников А. М. Метафорическая оценка политического лидера в дискурсе кампаний по выборам президента в США и России: Автореф. дис. канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2005.
31. Телешова И. В. Политическая ситуация как сфера-магнит для морбиальной метафоры в российских и американских СМИ // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2004. – Т. 14.
32. Феденева Ю. Б. Моделирующая функция метафоры в агитационно-политических текстах 90-х гг. XX века: Автореф. дис. канд. филол. наук. – Екатеринбург, 1998.
33. Чернякова-Сорокина М. В. Театральная метафора как средство манипуляции в публикациях российских и американских СМИ, посвященных войне в Ираке // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2004. – Т. 13.

34. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: Монография / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2003.
35. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000): Монография / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2001.
36. Шаова О. А. Россия и Франция: национальные стереотипы и их метафорическая репрезентация (на материале французских и российских газет): Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2005.
37. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. – М., - Волгоград, 2000.
38. Шехтман Н. Г. Зрелищные искусства как источник метафорической экспансии в политическом дискурсе России и США // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2004. – Т. 14.
39. Шмелева Т. В. Морбуальная оптика // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2001. – Т. 7.
40. Ahrens K. When Love is Not Digested: Underlying Reasons for Source to Target Domain Pairings in the Contemporary Theory of Metaphor // Proceedings of the First Cognitive Linguistics Conference / Ed. Y. E. Hsiao. – Cheng-Chi University, 2002.
41. Bachem R., Battke K. Strukturen und Funktionen der Metapher Unser Gemeinsames Haus Europa im aktuellen politischen Diskurs // Begriffe besetzen. Strategien des Sprachgebrauchs in der Politik Opladen / Ed. F. Liedtke, M. Wengler, K. Boke. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1991.
42. Berhó D. L. Working Politics: Juan Domingo Perón's Creation of Positive Social Identity // Rocky Mountain Review of Language and Literature. George Fox University. – 2000. – Vol. 54. – № 2.
43. Çağlar A. S. Constraining metaphors and the transnationalisation of spaces in Berlin // Journal of Ethnic and Migration Studies. – 2001. – Vol. 27. – № 4.
44. Cienki A. Bush's and Gore's language and gestures in 2000 US presidential debates: A test case for two models of metaphors // Journal of Language and Politics. – 2004. – Vol. 3. – № 3.
45. Chung S., Ahrens K. Sung Y. STOCK MARKETS AS OCEAN WATER: A Corpus-based, Comparative Study of Mandarin Chinese, English and Spanish // Proceedings of the 17th Pacific Asia Conference on Language, Information and Computational (PACLIC). – Singapore, 2003.
46. Charteris-Black J. Politicians and Rhetoric. The Persuasive Power of Metaphor. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004.
47. Chilton P. A., Ilyin M. V. Metaphor in Political Discourse: The Case of the "Common European House" // Discourse and Society. – 1993. – Vol. 4. – № 1.
48. Chilton P., Lakoff G. Foreign policy by metaphor // Language and Peace / Ed. Ch. Schäffner, A. Wenden. – Aldershot: Dartmouth, 1995.
49. Chilton P. Security Metaphors. Cold War Discourse from Containment to Common House. – New York; Bern; Frankfurt/M.: Peter Lang, 1996.
50. Goodnight G. T. "Iraq is George Bush's Vietnam". Metaphors in Controversy: On Public Debate and Deliberative Analogy // www.usc.edu/dept/LAS/iids/docs/Iraq_and_Vietnam.doc – 2004.
51. De Landsheer K. Function and the Language of Politics. A Linguistics Uses and Gratification Approach // Communication and Cognition. – 1991. – Vol. 24. – № 3/4.
52. Drulak P. Metaphors and Creativity in International Politics. Discourse Politics Identity. Working Paper Series. Working Paper No. 3. P. 1-21. // www.lancaster.ac.uk/ias/researchgroups/dpi/docs/dpi-wp3-2005-drulak.doc – 2005.
53. Drulak P. Metaphors Europe Lives by: Language and Institutional Change of the European Union. EUI Working Papers, SPS No. 2004/15. Florence: European University Institute, 2004 // www.arena.uio.no/events/documents/Paper_001.pdf – 2004.
54. Fauconnier G., Turner M. Conceptual integration networks // Cognitive Science. – 1998. – Vol. 22. – № 2.
55. Fauconnier G., Turner M. Conceptual Projection and Middle Spaces // <http://www.cogsci.ucsd.edu/research/files/technical/9401.ps> – 1994.
56. Fridolfsson C. Political Protest and Metaphor // www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/ws14/fridolfsson.pdf – 2005.
57. Gibbs R. W. Jr., Wilson N. L. Bodily action and metaphorical meaning // Style. – Vol. 36. – № 3. – 2002.
58. Goggin J. Metaphor and Madness: Stacking the Deck on Iraq // bad.eserver.org/reviews/2005/goggin.html – 2005.
59. Goodnight G. T. "Iraq is George Bush's Vietnam". Metaphors in Controversy: On Public Debate and Deliberative Analogy // www.usc.edu/dept/LAS/iids/docs/Iraq_and_Vietnam.doc – 2004.
60. Grady J., Taub S., Morgan S. Primitive and compound metaphors // Conceptual structure, discourse and language / Ed. A. Goldberg. – Stanford, CA: Center for the study of Language and Information, 1996.
61. Halverson C. M. Lifting the Dark Threat: The Impact of Metaphor in the War Against Terror // Journal of Undergraduate Research. – 2003. – Vol. 6.
62. Hansen A. D. Politics and metaphor – a discourse theoretical analyses. Paper to be presented at ECPR conference 2005, Granada. Draft version // www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/ws14/Hansen.pdf – 2005.
63. Hayden S. Family Metaphors and the Nation: Promoting a Politics of Care through the Million Mom March // Quarterly Journal of Speech. – 2003. – Vol. 89. – № 3.
64. Hellsten I. Door to Europe or outpost towards Russia? Political metaphors in Finnish EU journalism // Journalism at the crossroads: perspectives on research / ed. J. Koivisto, E. Lauk. – Tartu: Tartu University Press, 1997.

65. Heradstveit D., Bonham G. M. Changes Iranian Images of How the Axis of Evil Metaphor the USA. Paper No. 655. – Oslo: Norsk Utenrikspolitisk Institutt, 2003.
66. Honohan I. Metaphors of Solidarity // www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/ws14/Honohan.pdf – 2005.
67. Howarth D., Griggs S. Metaphor, Catachresis and Equivalence: The Rhetoric of Freedom to Fly in the Struggle over Aviation Policy in the United Kingdom. Draft paper // www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/ws14/Howarth.pdf – 2005.
68. Howe N. Metaphor in Contemporary American Political Discourse // *Metaphor and Symbolic Activity*. – 1988. – Vol. 3. – № 2.
69. Hulst M. J. van. The Heart of the Matter: Decision Making Caught in Metaphors // <http://www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/ws14/Vanhulst.pdf> – 2005.
70. Hülse R. Looking beneath the surface – invisible othering in the German discourse about Turkey's possible EU-accession. Paper presented at the Ionian Conference, Corfu, Greece, May 19-22, 2000 // www.lse.ac.uk/collections/EPIC/documents/ICHuelsse.pdf – 2000.
71. Hülse R. Metaphern der EU-Erweiterung als Konstruktionen europäischer Identität. – Baden-Baden: Nomos, 2003a.
72. Hülse R. Sprache ist mehr als Argumentation. Zur wirklichkeitskonstituierenden Rolle von Metaphern // *Zeitschrift für internationale Beziehungen*. – 2003b. – Vol. 10. – № 2.
73. Kelly-Holmes H., O'Regan V. "The spoilt children of Europe". German press coverage of the Nice Treaty referenda in Ireland // *Journal of Language and Politics*. – 2004. – Vol. 3. – № 1.
74. Kennedy V. Intended tropes and unintended metatropes in reporting on the war in Kosovo // *Metaphor and Symbol*. – 2000. – Vol. 15. – № 4.
75. Laclau E. Why do Empty Signifiers Matter to Politics? // *Emancipation(s)* / Ed. E. Laclau. – London: Verso, 1996.
76. Lakoff G. Don't Think Of An Elephant! Know Your Values and Frame the Debate: The Essential Guide for Progressives. – White River Junction, VT: Chelsea Green Publishing, 2004.
77. Lakoff G. Metaphor and War, Again // www.alternet.org/story.html?StoryID=15414 – 2003b.
78. Lakoff G. Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf // D.Yallet (ed.). *Engulfed in War: Just War and the Persian Gulf*. – Honolulu, 1991.
79. Lakoff G. Moral Politics: What Conservatives Know That Liberals Don't. – Chicago: University of Chicago Press, 1996.
80. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. – Chicago: University of Chicago Press, 1980.
81. Lakoff G. Metaphorical Thought in Foreign Policy. Why Strategic Framing Matters. December 1999. P. 1-40 // www.frameworksinstitute.org/products/metaphoralthought.pdf – 2001a.
82. Lakoff G. Metaphors of Terror // www.press.uchicago.edu/News/911lakoff.html – 2001b.
83. Lule J. War and its metaphors: news language and the prelude to war in Iraq, 2003 // *Journalism Studies*. – Vol. 5. – № 2. – 2004.
84. Luoma-aho M. "Arm" versus "pillar": The politics of metaphors of the Western European Union at the 1990-91 Intergovernmental Conference on Political Union // *Journal of European Public Policy*. – 2004. – Vol. 11. – № 1.
85. Luoma-aho M. Body of Europe and Malignant Nationalism: A Pathology of the Balkans in European Security Discourse // *Geopolitics*. – 2002. – Vol. 7. – № 3.
86. Malone C. The Sport of Politics // www.inthemix.org/shows/show_politics5.html – 2005.
87. Milliken J. L. Metaphors of Prestige and Reputation in American Foreign Policy and American Realism // *Post-Realism: The Rhetorical Turn in International Relation*. – East Lansing: Michigan State University Press, 1996.
88. Mottier V. Meaning, Identity, Power: Metaphors, Mini-Narratives and Foucauldian Discourse-Theory // www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/ws14/Mottier.pdf – 2005.
89. Musolff A. Cross-language metaphors: obstacles or pathways of international communication? Paper held at the conference: Language, the media and international communication, at St Catherine's College, Oxford, Sponsored by the Faculty of English, University of Oxford, 29 March – 1 April 2001 // www.dur.ac.uk/modern.languages/depts./german/Musolff/crosslang.doc – 2001a.
90. Musolff A. The Metaphorisation of European Politics: Movement on the Road to Europe // *Attitudes towards Europe. Language in the Unification Process* / Eds. A. Musolff, C. Good, P. Points, R. Wittlinger. – Aldershot: Ashgate, 2001b.
91. Musolff A. Metaphor and conceptual evolution // *Metaphorik.de*. – 2004a. – № 7.
92. Musolff A. Metaphor and Political Discourse. Analogical Reasoning in Debates about Europe. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004b.
93. Musolff A. Metaphor scenarios in political discourse in Britain and Germany // *Sinnformeln. Linguistische und soziologische Analysen von Leitbildern, Metaphern und anderen kollektiven Orientierungsmustern* / Ed. S. Geideck, W. Liebert. – Berlin: W. de Gruyter, 2003.
94. Musolff A. Mirror Images of Europe. Metaphors in the public debate about Europe in Britain and Germany. – Munich: iudicium, 2000a.
95. Musolff A. Political Imagery of Europe: A House Without Exit Doors? // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. – 2000b. – Vol. 21. – № 3.
96. Musolff A. Promising to End a War = Language of Peace? The Rhetoric of Allied News Management in the Gulf War 1991 // *Language and Peace* / Ed. C. Schäffner, A.L. Wenden. – Aldershot: Dartmouth, 1995.

97. Oberlechner T., Mayer-Schönberger V. Through Their Own Words: Towards a New Understanding of Leadership through Metaphors // [www.ksgnotes1.harvard.edu/.../9bd08de6da05da6b85256c5b006f0987/\\$FILE/Leadership-1022.doc](http://www.ksgnotes1.harvard.edu/.../9bd08de6da05da6b85256c5b006f0987/$FILE/Leadership-1022.doc) – 2002.
98. Paris R. Kosovo and the Metaphor War // *Political Science Quarterly*. – 2002. – Vol. 117. – № 3.
99. Refaie E. Metaphors we discriminate by: Naturalized themes in Austrian newspaper articles about asylum seekers // *Journal of Sociolinguistics*. – 2001. – Vol. 5. – № 3.
100. Ritchie D. "ARGUMENT IS WAR"- Or is it a Game of Chess? Multiple Meanings in the Analysis of Implicit Metaphors // *Metaphor and Symbol*. – 2003a. – Vol. 18. – № 2.
101. Ritchie D. Categories and Similarities: A Note on Circularity // *Metaphor and Symbol*. – 2003b. – Vol. 18. – № 1.
102. Ritchie D. Common Ground in Metaphor Theory: Continuing the Conversation // *Metaphor and Symbol*. – 2004a. – Vol. 19. – № 3.
103. Ritchie D. Metaphors in Conversational Context: Toward a Connectivity Theory of Metaphor Interpretation // *Metaphor and Symbol*. – 2004b. – Vol. 19. – № 4.
104. Ringmar J. Metaphors of Social Order in Europe, China, and Japan // eis.bris.ac.uk/~potfc/Granada/Papers/Ringmar.pdf – 2005.
105. Rohrer T. The Metaphorical Logic of (Political) Rape: The New Wor(l)d Order // *Metaphor and Symbolic Activity*. – 1995. – Vol. 10. – № 2.
106. Sandikcioglu E. More metaphorical warfare in the Gulf: Orientalist frames in news coverage // *Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective* / Ed. by A. Barcelona. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2003.
107. Santa Ana O. Brown Tide Rising: Metaphors of Latinos in Contemporary American Public Discourse. – Austin, TX: University of Austin Press, 2002.
108. Schäffner C. Building a European House? Or at Two Speeds into a Dead End? Metaphors in the Debate on the United Europe // *Conceiving of Europe — Unity in Diversity* / Ed. A. Musolff, Ch. Schäffner, M. Townson. – Aldershot: Dartmouth Publishers, 1996.
109. Schäffner C. The 'Blance' Metaphor in Relation to Peace // *Language and Peace* / C. Schäffner, A. L. Wenden (eds). – Aldershot: Dartmouth, 1995.
110. Semino E. A sturdy baby or a derailing train? Metaphorical representations of the euro in British and Italian newspapers // *Text*. – 2002. – Vol. 22. – № 1.
111. Semino E., Masci M. Politics is football: metaphor in the discourse of Silvio Berlusconi in Italy // *Discourse and Society*. – 1996. – Vol. 7. – № 2.
112. Spellman B., Ullman J., Holyoak K. A Coherence Model of Cognitive Consistency: Dynamics of Attitude Change During The Persian Gulf War // *Journal of Social Issues*. – 1993. – Vol. 49.
113. Steen G. J. Identifying metaphor in language: a cognitive approach // *Style*. – 2002. – Vol. 36. – № 3.
114. Straehle C., Weiss G., Wodak R., Muntigl P., Sedlak M. Struggle as metaphor in European Union discourses on unemployment // *Discourse and Society*. – 1999. – Vol. 10. – № 4.
115. Stenvoll D. Metaphors in Sexual Politics // www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/ws14/Stenvoll.pdf – 2005.
116. Thornborrow J. Metaphors of security: A comparison of representations in defence discourse in post-cold-war France and Britain // *Discourse and Society*. – 1993. – Vol. 4. – № 1.
117. Turner M., Fauconnier G. Conceptual Integration and Formal Expression // *Metaphor and Symbolic Activity*. – 1995. – Vol. 10. – № 3.
118. Turner M., Fauconnier G. Metaphor, Metonymy, and Binding // *Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective* / Ed. A. Barcelona. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2000.
119. Underhill J.W. The Switch: Metaphorical Representation of the War in Iraq From September 2002 – May 2003 // *Metaphorik.de*. – 2003. – № 05.
120. Valk I. van der. Political Discourse on Ethnic Issues, a Comparison of the Right and the Extreme-Right in the Netherlands and France (1990-1997). Paper for the ECPR-conference, Grenoble, 6-11 April, 2001. P. 1-32 // <http://www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/grenoble/ws14/valk.pdf> – 2001.
121. Vertessen D., De Landsheer C. A Metaphorical Election Style? Patterns of Symbolic Language in Belgian Politics // www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/ws14/Vertessen.pdf – 2005.
122. Yanow D. Cognition Meets Action: Metaphors as Models of and Models for // www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/ws14/Yanow.pdf – 2005.
123. Walter J., Helmig J. Metaphors as Agents of Signification. Towards a Discursive Analyses of metaphors. ECPR Granada Workshop on Metaphors in Political Discourse. April 2005 // www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/ws14/Helmig.pdf – 2005.
124. Zinken J. Ideological Imagination: Intertextual and Correlational Metaphors in Political Discourse // *Discourse and Society*. – 2003. – Vol. 14. – № 4.
125. Zinken J. Imagination im Diskurs. Zur Modellierung metaphorischer Kommunikation und Kognition. Dissertation zur Erlangung der Wurde eines Doktors im Fach Linguistik. – Bielefeld: Universität Bielefeld, 2002.
126. Zinken J. Metaphoric Practices in the German Wende Discourse // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. – 2004a. – Vol. 25. – № 5/6.
127. Zinken J. Metaphors, stereotypes, and the linguistic picture of the world: Impulses from the Ethnolinguistic School of Lublin // *Metaphorik.de*. – 2004b. – № 07.

© Будаев Э. В., Чудинов А. П., 2008